

И.П.СУХАНОВ

При широкой известности кортиков их появление в отечественном флоте все еще остается белым пятном в военной истории. В архивных источниках пока удалось обнаружить лишь отрывочные сведения, лишенные исчерпывающей достоверности и временной определенности. Не случайно среди некоторой части историков-оружиеведов бытует мнение, что кортики в российском флоте появились в начале XIX века. Так ли это? Попытаемся разобраться с фактами.

Появлению кортиков у российского воинства предшествовало их широкое использование в XIV—XV веках в Англии, Германии, Италии и Швеции. Эти кортики имели разные наименования: «лесные», «оленьи», «боевые», «морские» — и использовались в охотничьих и военных целях.

Проникновение кортиков в Россию началось с их закупки у мастеров и фирм в европейских государствах, с захвата трофейного оружия и получения подарочных образцов. Кроме того, иностранные специалисты, прибывающие в Россию для службы по контракту на судах флота, имели свое оружие, принятое в их странах.

Как следует из архивных материалов, Петр I в битве при деревне Лесная (1708 г.) был вооружен кортиком, который впоследствии хранился в Петербурге в фондах Исторического музея Гвардейского экипажа¹.

В фондах Национального музея в Будапеште² хранится памятный кортик, ранее принадлежавший сержанту лейб-гвардии Преображенского полка Федору Ивановичу Ходыреву, участнику Полтавской битвы. На обеих сторонах клинка выгравированы надписи: «Октября 1 дня 1709 г.» и «Сей кортик от инфантерии Раницева полка, что был Саксонский генеральский, что ныне полковничья первой роты сержанта Федора Ивановича Ходырева». На оборотной стороне — «Творяй ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный врагу оскудева оружия в конец и грады разрушил его, погнбе память с шумом» и другие надписи. Можно предположить, что эти надписи были нанесены на клинок кортика в память о Полтавской победе 1709 года.

Потребность в холодном оружии для судовых команд была весьма значительной. Начавшаяся Северная война (1701—1721 гг.) еще более усугубила проблему. В петровский период численность судовых экипажей составляла: для 32-пушечного фрегата — 180 чел., для 50-пушечного корабля — 300 чел., а для 84-пушечного корабля — до 600 чел.³. К концу петровского периода российский флот состоял из 48 кораблей и 787 малых судов⁴. Оружия для судов катастрофически не хватало.

В ходе войны стали создаваться металлургические, оружейные, пороховые и другие заводы. В том числе Петр приказал строить оружейные заводы и в Олонецкой губернии. Уже в 1701 году по распоряжению исландского губернатора А.Д.Меншикова развернулось крупное строительство семи Олонецких заводов: Петровского, Устрецкого, Алексеевского, Повенецкого, Кончезерского, Лижемского и Кедрозерского⁵. В 1704 году на Петровский завод приехали для работы мастера из Тульской оружейной слободы. Приданный на завод Петром I новый директор подполковник В.И.Геннинг (Генниг), большой специалист горного и металлургического дела, оказался также прекрасным организатором производства и талантливым конструктором. Можно предположить, что начало производству кортиков на Олонецком заводе было положено изготовлением в 1710 году персонального образца для Петра I. Клинок этого кортика длиной 561 мм двусторонний шестигранной формы (у пята чечевицеобразного сечения).

Эфес с малой чашей, с прямой крестовиной и металлической рукоятью. Рукоять кортика украшена завитками и лепестковым орнаментом, нанесенными протравкой, гравировкой и золочением. На пята клинка техникой глубокой протравки нанесен двуглавый орел с вензелем Петра I, а с противоположной стороны — парусный корабль и надпись «OLONEZ». Этот кортик вошел в Петровское собрание оружия (526 ед.), которое в наши дни находится в Оружейной палате Кремля.

В фондах Центрального военно-морского музея хранится клинок кортика, на головах которого нанесены надписи: «OLONEZ» и «1711». Клинок (длина 220 мм, ширина 19 мм) шестигранной формы, двулезвийный, без каких-либо украшений. До 1979 года этот кортик находился у потомков адмирала российского флота Р.В.Кроуна. С датой изготовления кортика диссонирует вензель императора Александра II, находящийся на верхнем наконечнике рукояти. Расхождение в датах вынудило провести углубленное исследование истории кортика и его владельца. Кортик поступил в музей из Англии от графини де Гогуэл, урожденной Кроун. Ее знаменитый предок Роберт (Роман Васильевич) Кроун родился в Шотландии 21 декабря 1753 года. Страсть к морю привела его на суда коммерческого флота Великобритании. С переходом в Королевский военный флот он служил штурманом и старшим офицером. Не дождавшись дальнейшего продвижения по служебной лестнице, тридцатипятилетний Кроун изъявил желание продолжить свою службу в России. Решением императрицы Екатерины II Кроун 4 февраля 1788 года был зачислен на службу во флот лейтенантом. Уже 18 февраля его назначили командиром 16-пушечного брига (катера, коттера) «Меркурий», купленного в Англии для Балтийского флота. Вступив в командование кораблем, Р.В.Кроун развил бурную деятельность по подготовке судна к активным боевым действиям. На «Меркурии» заменили 16 пушек 18-фунтового калибра на 22 более мощные 24-фунтовые карронады¹, было налажено обучение экипажа.

Вскоре «Меркурий» перешел в Копенгаген, где в то время временно базировался отряд судов российского флота. Война со Швецией (1788—1790 гг.) вынуждала Россию держать в проливной зоне часть своих морских сил. В Копенгагенском отряде «Меркурий» считался самым быстроходным. С началом навигации 1789 г. коттер стал выходить в Балтийское море для наблюдения за тремя неприятельскими судами, зимовавшими в порту Карскрона. 21 мая 1789 г. у входа в Христиан-фьорд корабль обнаружил шведский фрегат «Венус». Стоял полный штиль, и на судах беспомощно повисли паруса. Р.В.Кроун решил воспользоваться благоприятной обстановкой. С помощью весел «Меркурий» приблизился к корме флагмана противника и открыл артиллерийский огонь по его парусному вооружению. Вскоре были сбиты реи, фор-стенгелы и повреждены паруса. Теперь шведский фрегат лишился возможности двигаться при возобновлении ветра. Разворачиваясь к противнику попеременно правым и левым бортом, Кроун использовал корабельную артиллерию с наибольшей эффективностью. На разрушительный огонь «Меркурия» фрегат мог отвечать стрельбой лишь из двух кормовых орудий. Бой продолжался два часа. После продолжительного артиллерийского залпа по верхней палубе на «Венусе» был снесен шведский флаг.

Триста человек экипажа шведского 44-пушечного фрегата оказались беспомощными против «Меркурия» с экипажем 86 человек при 22 орудиях. Победа над более сильным противником — свидетельство зрелости командира, мужества и высокой выучки экипажа.

Получив сведения о произошедшем сражении, императрица Екатерина II была приятно удивлена. Отмечая умелые действия отважного командира, она наградила Романа Васильевича орденом Св. Георгия IV класса, произвела его в капитаны 2 ранга и назначила командиром захваченного

им фрегата «Венус». Однако вскоре императрице стало известно о том, что на «Меркурии» все время находилась женщина. Это было серьезное нарушение требований Устава Морского, который гласил (кн. 4, гл. 1, ст. 36): «Запрещается офицерам и рядовым привозить на корабль женский пол, для беседы их во время ночи; но токмо для свидания и посещения днем. Сие разумеется не о публичных гостях, но токмо партикулярно какую женскую персону будет привозить. А ежели кто свою жену у себя на корабле иметь похочет, то ему вольно пока в гаване, на реках или рейдах; а на путях против неприятеля никому... жен не иметь, офицеры под штрафом... вычетом на месяц жалования, а унтер офицеры и рядовые будут биты кониками у манты»⁸. Создалась тревожная ситуация. Все ждали развязки. Императрица выяснила, что этой женщиной оказалась жена Кроуна — Марфа, которая сопровождала мужа во всех его походах. На судне она врачевала больных, перевязывала раны и пользовалась у экипажа большим уважением. Мудрая императрица наградила Марфу Кроун орденом Св. Екатерины — «За любовь и Отечество».

Впоследствии Кроун принял участие во многих боях Балтийского флота со шведами и французами. На счету Романа Васильевича около трех десятков захваченных судов противника, в том числе шведский линейный корабль «Ретвизан». Яркая служба в российском флоте принесла Кроуну признание, всеобщее уважение, новые чины и награды.

Полный адмирал, кавалер многих российских орденов, золотого и Анненского оружия с надписью «За храбрость», Р.В. Кроун скончался 21 апреля 1841 г. на 88-м году жизни и был похоронен в Санкт-Петербурге на Смоленском евангелическом (лютеранском) кладбище⁹. Дети и внуки Романа Васильевича продолжали служить российскому Отечеству на протяжении всего XIX и начала XX столетий. Кортик переходил по наследству из поколения в поколение. Его носили и сохраняли как семейную реликвию. Менялись российские императоры, изменялись вензели на оружии, неизменным оставался лишь шестигранный ледовский клинок с надписями «OLONEZ» и «1711» да немеркнущая слава Романа Васильевича Кроуна.

В период 1710—1714 гг. на Олонекском заводе изготавливались лишь одиночные образцы холодного оружия. С 1715 года завод начал серийное производство кортиков. Так, в 1715 г. с завода было отправлено 78 ед., в 1716 г. — 3318 ед., в 1717 г. — 109 ед., в 1719 г. — 70 ед.¹⁰ Размеры и внешний вид кортиков не являлись стандартными. Крестовины и рукоятки у большинства образцов были медные, но у некоторой части — посеребренными и золочеными. Возможно, что этим отличали офицерские экземпляры.

Олонечские мастера производили как простое, так и украшенное оружие. В качестве сюжетов для художественных изображений на кортиках традиционно использовались лесные пейзажи, охотничьи сюжеты, финиры или головы зверей и птиц. На морские кортики наносились силуэты нарушенных кораблей, якоря с фрагментами канатов. Кроме того, непременным атрибутом декора в этом случае являлся двуглавый орел под короной и императорский вензель.

В числе первых получили олонечские кортики генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин и Александр Данилович Меньшиков. В 1717 году Вильгельм Иванович Геннин, посылая им кортики, писал: «Тем образом и за морем врял сделают, а у нас делают оные кортики мастера русские»¹¹.

В 1719 году стало известно о том, что царь вскоре собирается посетить олонечский Петровский завод. Началась широкомащштабная подготовка к его приезду. Среди прочих подарков, готовящихся к подношению Петру I, изготовили и кортик с малахитовым череном и бронзовой резной гайкой в виде головы орла. Кортик имеет длину 600 мм (клинок — 450 мм); на правой голомении насечен серебром двуглавый орел, поражающий молниями льва, и нанесены буквы: «Б М Б Д Г Ц В К П А В В М Б Р С». Эта аббреви-

атура читается так: «Божьею Милостью Благочестивейший Державнейший Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, Всея Великия, Малыя и Белыя Росции Самодержец». Противоположная сторона клинка украшена вензелем Петра I, здесь же нанесена воинская арматура и год: «1719»¹². Судьба этого кортика до конца не изучена, но известно, что в начале сороковых годов XIX века он находился у шефа жандармов генерал-адъютанта графа А.Х.Бенкендорфа. Будучи хорошо осведомленным об увлечении Николая I созданием оружейной коллекции, в 1841 году Александр Христофорович преподнес его в дар императору. Николаевская коллекция, существенно пополненная Александром II, на протяжении четырех десятилетий хранилась в Царскосельском арсенале, а в 1885 году по указанию Александра III была перевезена в Зимний дворец. В настоящее время петровский клинок хранится в Государственном Эрмитаже.

Изысканный кортик, подаренный Петру I королем Польши Августом II, также был изготовлен на Олонцком заводе. Это двусторонний клинок длиной 700 мм и шириной 44 мм, на правой голомении которого насечено золотом изображение двуглавого орла со скипетром, державою и надписью «OLONEZ», а противоположная сторона украшена парусным кораблем, и здесь же проставлен год изготовления «1720». Череп кортика (длина 143 мм) был изготовлен из янны и украшен фигурами из яхонта. Рукоять завершалась изображением конской головы с уздой из мелких четырехгранных яхонтов и с закрепленным во лбу продолговатым алмазом. Обе стороны золотой чаши украшены изображениями знамен, барабанов и воинской арматуры. Кожаные ножны с золотым наконечником имели на боковой поверхности два гнезда для размещения в них ножа (длина 198 мм) и вилки (длина 176 мм), черенки которых изготовлены из золота¹³.

В коллекции Петра Великого имелись и другие образцы кортиков олонцкого изготовления. Так, 13 декабря 1910 года купец И.Р.Иванов передал командиру Гвардейского эскадрона свиты контр-адмиралу графу Н.М.Толстому кортик и личные вещи, ранее принадлежавшие Петру Великому. Указанный клинок приобрели у наследников Иванчнина-Писарева, который был награжден им императрицей Елизаветой Петровной, что подтверждалось прилагаемой копией документа¹⁴. По воле дарителя кортик и личные вещи Петра предназначались для подношения Николаю II. Дальнейшую судьбу этих предметов пока выяснить не удалось.

Изложенные факты позволяют сделать вывод: датировку времени появления морских кортиков в отечественном флоте следует считать не с XIX, а с начала XVIII века, т.е. на 100 лет ранее. Хочется надеяться, что эта статья активизирует дальнейшие исследования по истории отечественных кортиков — это, в конечном итоге, позволит закрыть еще одно белое пятно в истории вооружения отечественного флота.

Примечания

¹ РГВМФ. Ф. 6035. Оп. 2. Д. 7. Л. 114.

² Károly S. Eötvös: Erdékek es Leletek, Chodurev Fedor Kárdja a Magyar Hemzeti Muzeumban, Будапешт, 1896. С. 289–303.

³ Князь С.С. Царь и воевода русской земли. Время Петра Великого, М., 1991. С. 155. (Дру. изд. — М., 1909). Там же, с. 150.

⁴ Беккериджи Л.Е. Русская армия и флот в XVIII веке, М., 1951. С. 80.

⁵ Тихомирязев Г.В. Оружие коллекции Петра I, М., 1995. С. 139.

⁶ Поддубный С. П. Еременко, перевооружение на вышедшие из Англии карронады состоялось в Копенгагене летом 1768. 89 л. (см.: Еременко С.Е. Кроун Роман Васильевич // Морской энциклопедический словарь, т.2. Л., 1993. С. 152). — *Прим. ред.*

⁷ Устав Морской О всем что касается к доброму управлению в бытность флота на море, СПб., 1763. (Нашло репринтному изданию: М., 1993. С. 190).

⁸ О Р.В.Кроуне см.: Еременко С.Е. Кроун Роман Васильевич // Морской энциклопедический словарь, т.2. Л., 1993. С. 152; Березовский Н.Ю., Дюбенко В.Д., Тюрин Б.Н. Российский император-

ский флот, 1696–1917. Военно-исторический справочник. М., 1993. С. 130; Словарь русских генералов // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. VII. С. 436–437. — *Прим. ред.*

¹⁰Тлагозова А.П. Олонкине заводы в первой четверти XVIII в. М., 1957. С. 122.

¹¹Там же, С. 123.

¹²Miller J.A. Masterpieces of Russian Hunting Arms from The Hermitage Museum. St. Petersburg, Devantier 1996, P. 29.

¹³Кабинет Петра Великого, или подробное и обстоятельное Его Величества и изображений военной и гражданской одежды, собственноручных Его изделий и прочих достопамятных вещей лично Великому сему монарху принадлежавших, ныне Санкт-Петербургской Императорской Кунст-Каморе сохранившихся, с приовокуплением к ним достоверных и известных и любопытных сказаний. Издано трудами и изданием надирателя Императорской Кунст-Каморы Осипа Беляева в Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук. Часть 1. 1795. С. 23.

¹⁴РГАВМФ. Ф. 935, Оп. 2, Д. 1722, Л. 5.

АДМИРАЛЬСКИЕ ПОГОНЫ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ

К.Л.КОЗЮРЕНОК

В своей чрезвычайно интересной работе «Погоны и борьба за власть в 1917 году» Б.И.Колоницкий совершенно справедливо заключил, что именно погоны «становятся знаком “белых”» во время Гражданской войны. «Однако не всегда восстановление погон следовало дореволюционным образцам. Так, по крайней мере на некоторых адмиральских погонах, принятых в военно-морских силах белых, двуглавые орлы потеряли свои короны. Сам Колчак также носил погоны с орлами, лишенными этих “монархических” символов»¹.

Из вышеприведенной цитаты может сложиться впечатление, что белые адмиралы руководствовались в этом вопросе собственными политическими убеждениями. Между тем при верховном правителе А.В.Колчаке погоны адмиральских чинов имели четко установленный и утвержденный образец. Отданный им 29 ноября 1918 г. приказ по флоту и Морскому ведомству № 19 гласил, что в форме одежды всех чинов вводится фуражки и погоны образца, существовавшего до издания приказа по флоту и Морскому ведомству № 125 от 16 апреля 1917 г. Это значило отмену системы знаков различия, установленной при Временном правительстве². Однако в приказе содержалась оговорка: «Образцы погон для адмиральских чинов будут установлены дополнительно». Это произошло уже 6 декабря 1918 г., когда приказом № 22 такие образцы и были объявлены³.

Примечания

¹Колоницкий Б.И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001. С. 79.

²Об этой системе см.: Трофь А.А. Морская форма русской смуты. 1917 год // Читатель, 1998, № 1 (6). С. 64–67.

³Подробнее см.: Буяков А., Крицкий Н., Кузнецов Н. Адмиральские погоны А.В.Колчака // Шейх-гауз Униформа. Награды. Оружие. Знамена. Геральдика. М. 2002. № 1 (17). С. 34–35.